

ARTYKUŁY

Александр В. Бабук

(Гуманитарный колледж УО «ГрГУ им. Я. Купалы»)

Образ святости как олицетворение «золотого века» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Детство – это не только период жизни ребенка со своими психофизиологическими особенностями, но и явление культурное, созданное в эпоху сентиментализма и романтизма, когда сформировался так называемый «миф детства» – своеобразная культурная утопия. Специфика «мифа детства» определяется наличием в его хронотопе структурно-семантических компонентов, одним из которых является соотнесенность с детскостью – чистотой и невинностью ребенка как аналога состояния первых людей до «грехопадения». «Миф детства» – это коррелят мифологемы о «золотом веке». В христианстве образу «золотого века» соответствует образ утраченного человеком в результате грехопадения рая или Царства Небесного. Испытательная жертва Иисуса Христа позволила человеку восстановить этот утраченный образ посредством благодати, которая дается через покаяние и духовно-нравственное преображение личности ради совершенства и близости к Богу. Такое стремление к безгрешности и совершенству, сердечной чистоте, божественной любви, а также «уподобление Богу, отражение и осуществление божественных совершенств» в православной антропологии называется святостью¹, которая как раз и «определяется мерой приближения» человека «к святости Божией»². Русская литература в результате унаследования средневекового взгляда на мир³ сохраняет и концентрирует в себе этот феномен святости, изображая его в образах простых людей, праведников. Одним из писателей, который раскрыл образ святости в русской литературе, был Ф.М. Достоевский.

¹ Олег Платонов: *Святость* в: Олег Платонов: *Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русское Православие. В трех томах.* Москва 2009. Т. 3. Р – Я, с. 95-97.

² Константин Скурат: *Святость Руси* Яхрома 2011, с. 706.

³ Юрий Лотман: *Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция* в: Юрий Лотман: *Избранные статьи в 3 т.*, Т. 3, Таллин 1993, с. 127-137.

Феномен святости как аналог христианского представления человека о мифологеме «золотого века» Достоевский изобразил в рассказе «Сон смешного человека». В отличие от рая библейского, рай в рассказе представлен не в образе земного пространства (Эдем), а пространства небесного. Обретение рая, по Достоевскому, возможно только при условии соединения с Христом, которое, в свою очередь, предполагает восстановление целостности души человеческой (целомудрия) в результате покаяния, преобразования и дальнейшего воскрешения. Воскрешение, по мысли Н.Ф. Федорова, есть «самое высшее дело или благо» наряду со смертью, которая есть «самое общее, общее для всех зло, или, точнее, злодеяние»⁴ [23, с. 204]. Так, по утверждению Н.Ф. Будановой, «пути преобразования мира писатель видит <...> прежде всего в «переустройстве» души человеческой – в духовном возрождении как отдельного человека, так и нации в целом»⁵ [4, с. 231]. Идеал, таким образом, в творчестве Достоевского, становится самой реальностью, а миф – самой действительностью.

В произведениях Достоевского таким состоянием «золотого века» обладает не только ребенок, но и взрослый, которому, несмотря на влияние семьи и окружающей среды удалось сохранить открытость Богу и миру. Рассмотрим святость как олицетворение «золотого века» на примере романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», в котором с точки зрения феноменологии детства наибольший интерес для исследования представляют два персонажа – Алексей Карамазов и старец Зосима.

Детскость «золотого века» присуща всем братьям Карамазовым (и Мите, и Ивану), однако сохраняется и функционирует она лишь в сознании Алеши. Более того, именно Алеша обретает это состояние в осознанном зрелом возрасте. По природе своей и по характеру Алеша был несколько иным человеком, чем его братья Митя и Иван, хотя и «унаследовал все их сладострастие, но, выросши, он стал понимать карамазовскую страсть и карамазовское сладострастие»⁶: «В нем была дикая, иступленная стыдливость и целомудренность. Он не мог слышать известных слов и известных разговоров про женщин»⁷ (В современном русском языке термином «карамазовщина» обозначается «крайняя степень моральной безответственности, сопровождающаяся безудержными страстями и постоянными колебаниями от нравственных падений к возвышенным душевным порывам, как бытовое, национальное или

⁴ Николай Федоров: *Сочинения*. Москва 1982, с. 204.

⁵ Нина Буданова: «Сердце милующее: Достоевский и Оптина Пустынь» в: Нина Буданова: «И свет во тьме светит...» (к характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского). Санкт-Петербург 2011, с. 111.

⁶ Аким Вольнский: *Достоевский: философско-религиозные очерки*. Санкт-Петербург 2011, с. 360.

⁷ Федор Достоевский: *Братья Карамазовы* в: Федор Достоевский: *Полн. собр. соч. в 30 т.* Ленинград 1976, Т. 14, с. 19.

психологическое явление»⁸). Так изначально сердце Алеши оказывается полем битвы двух начал – «карамазовского» (земного) и Зосимовского (духовного).

Образ Алеши Карамазова в романе складывается в рамках темы детского страдания – одного из ведущих мотивов творчества Достоевского. Ключевыми испытаниями стали два эпизода, сыгравшие существенную роль в разрушении детскости Алеши Карамазова: тлетворный дух старца Зосимы и евангельский эпизод в Кане Галилейской. С. Салвестрони считает, что

[...] для понимания личности младшего Карамазова важны отдельные детали его отношения к матери. Она является для Алеши воплощением любви, добра и красоты. [...] Чувства матери согревают его и доставляют ему радость, и он принимает ее такой, какая она есть, храня тепло и свет этого драгоценного воспоминания. Узы этой любви определяют, возможно, предрасположенность юноши принимать “всех и вся” не судя.⁹

Присутствие тлетворного духа любимого старца Зосимы после смерти как дискредитация чуда становится искушением, в результате которого происходит разрушение мифа детства, явленного в архетипах идеального образа отца, матери и дома. Утрата родительских архетипов вызвала, с одной стороны, фрустрацию в сознании героя, с другой – привела к дальнейшему духовному росту. Скорбя над гробом старца Зосимы, Алеша слушает евангельский эпизод о чуде в Кане Галилейской, когда Христос на брачном пиру претворил воду в вино. Переживание Алешей потери своего духовного наставника уподобляется переживаниям учеников Иисуса Христа в Иерусалиме накануне распятия Спасителя. Так герои евангельского повествования и сам Алеша Карамазов ставятся автором в отношения прямого параллелизма. Дар слез, который Алеша получил, слушая этот отрывок, открывает ему путь к радости всепрощения, о котором говорил Зосима. Как считает Р. Пис, «сам сон о чуде также является чудом; ведь в сердце Алеши происходит тот же самый процесс – вода становится вином, отчаяние превращается в радость, мертвая оболочка гниющего тела Зосимы приносит чудесный новый плод, похоронные обряды соединяются с празднованием брачного пира, и на этом пиру сам Зосима присутствует, живой, такой, каким Алеша всегда знал его. Он был воскрешен для этого чуда радости, потому что, подобно Грушенькиной старухе, подал луковку, и теперь пьет новое вино, вино нового и великого счастья»¹⁰. Сцена целования земли Алешей в конце первого тома является символом

⁸ Толковый словарь Ушакова в: Электронный словарь «Словепедия»
<http://www.slovopedia.com/3/202/792572.html>

⁹ Симонетта Сальвестрони: *Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского*. Санкт-Петербург 2001, с. 182.

¹⁰ Ричард Пис: *Правосудие и наказание: «Братья Карамазовы»* в: Ричард Пис: *Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современ, состояние изучения под. ред. Татьяны Касаткиной*. Москва 2007, с. 30.

преображения, возвращения героя к своим христианским истокам, восстановления детскости и образа рая («золотого века»), что в конечном итоге становится способом преодоления им карамазовщины. Так разрушение детства в сознании Алеши стимулирует к покаянию и христианскому преобразению, что в конечном итоге способствует его дальнейшей зрелости и духовному росту. Праведность Алеши Карамазова заключается в том, что он не только своей кротостью освящает семью Карамазовых, но и в том, что один его внешний вид может заставить человека покаяться в грехе и повернуться лицом к Богу, как это произошло в эпизоде с блудницей Грушенькой, которая исповедалась ему в том, что подкупила семинариста, или в знаменитом эпизоде у камня, где, казалось бы, изначально «злые дети» были обращены к Божественной истине посредством проповеди Алеши о воспоминании.

Старец Зосима являет в романе феномен старчества, ставший эталоном в типе отношений учитель/ученик, который можно спроецировать на модель отношений родитель/ребенок и взрослый/ребенок. Сам Достоевский раскрывает духовный смысл попечительства старцев над чадами (т.е. старших над младшими) так:

Старец – это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искусства победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог наконец достичь, чрез послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избегнуть участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли¹¹.

«По богословскому определению “старчество” состоит в искреннем духовном отношении духовных детей к своему духовному отцу, или “старцу”»¹².

Для Алеши старец Зосима стал новым архетипом отца. Федор Павлович Карамазов оказался «несчастливым, разнузданным и развратным стариком», который упустил свою семью и ударился в сладострастие, вместив в себе, по словам В.В. Зеньковского, всю «карамазовскую низость»¹³. Сторонники фрейдизма сказали бы, что в Федоре Павловиче Достоевский воплотил образ своего отца – Михаила Андреевича. Однако это далеко не так, что доказывает

¹¹ Федор Достоевский: *ук. соч.*, с. 26.

¹² Нина Буданова: «Сердце милующее: Достоевский и Оптина Пустынь» в: Нина Буданова: «И свет во тьме светит...» (к характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского). Санкт-Петербург 2011, с. 105–132

¹³ Василий Зеньковский: *Федор Павлович Карамазов в: Вокруг Достоевского: В 2 т. Сборник статей под редакцией А.Л. Бема.* Москва 2007, Т 1, с. 266.

сам текст романа, в котором Федор Павлович предстает как беглец от своей двойственности в «реализм непосредственных ощущений»¹⁴:

[...] развратнейший и в сладострастии своем часто жестокий, как злое насекомое, Федор Павлович вдруг ощущал в себе иной раз, пьяными минутами, духовный страх и нравственное сотрясение, почти, так сказать, даже физически отзывавшееся в душе его¹⁵.

Душа у меня точно в горле трепещет в эти разы», — говаривал он иногда. Вот в эти-то мгновения он и любил, чтобы подле, поблизости, пожалуй хоть и не в той комнате, а во флигеле, был такой человек, преданный, твердый, совсем не такой, как он, не развратный, который хотя бы всё это совершающееся беспутство и видел и знал все тайны, но всё же из преданности допускал бы это всё, не противился, главное — не укорял и ничем бы не грозил, ни в сем веке, ни в будущем¹⁶.

Однако, видя все это, Алеша не предал отца, а любил его всем сердцем и главное — никогда не осуждал за аморальный образ жизни, что в первую очередь отмечает сам Федор Павлович Карамазов:

[...] я чувствую же, что ты единственный человек на земле, который меня не осудил, мальчик ты мой милый, я ведь чувствую же это, не могу же я это не чувствовать!...¹⁷

Когда сознание человека не находит во взрослом родителе личный пример духовно-нравственного воспитания и авторитета, оно перемещает локус ориентации начиная поиск идеала такого человека, образ которого смог бы стать этим эталоном. Интенциональный анализ романа «Братья Карамазовы» показывает, что как эталон образ Федора Павловича был неудачным для Алексея Карамазова, поэтому его сознание выбрало старца Зосиму как образ святого и праведного человека, который в какой-то степени заменил ему отца, став при этом отцом духовным.

В целом образ старца Зосимы многими исследователями признан наивысшим христианским идеалом в творчестве Достоевского. Прототипом старца Зосимы является преподобный Амвросий Оптинский, известный святой старец, подвизавшийся в Свято-Введенском монастыре Оптиной Пустыни в XIX веке, а также святитель Тихон Задонский, епископ Воронежский и Елецкий XVIII века, канонизированный Русской Православной Церковью. Зосиму, как

¹⁴ Там же, с. 266.

¹⁵ Федор Достоевский: *ук. соч.*, с. 86.

¹⁶ Там же, с. 86-87.

¹⁷ Там же, с. 24.

и преподобного Амвросия отличала «необыкновенная ласковая веселость»¹⁸ и знание человеческой природы. «Своеобразные повторы и лирические замкнутые кольца, церковнославянизмы, нагромождение эпитетов»¹⁹ перешли к Зосиме от святителя Тихона. Старец Зосима «был лет шестидесяти пяти, происходил из помещиков, когда-то в самой ранней юности был военным и служил на Кавказе обер-офицером. Без сомнения, он поразил Алешу каким-нибудь особенным свойством души своей»²⁰. В выборе монашеского пути помог один случай, когда он подрался с человеком, за которого вышла замуж его возлюбленная. С тех пор Зосима преобразился, стал другим человеком и ушел в монастырь. Эта «дружость» Зосимы заключается в приобретении им кротости, смирения, божественной мудрости, умеренной строгости и даже веселости. Но главное достояние Зосимы – это открытость Богу и людям, т.е. стяжание той самой райской детскости, ставшей аналогом утраченного после грехопадения рая. И в этом смысле он, как и многие русские святые, является человеком из простого народа, которого отличает непосредственное восприятие действительности. В награду за это состояние детскости, сохраненное и трансформированное в христианском понимании, Зосима

[...] приобрел прозорливость уже столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать: с чем тот пришел, чего тому нужно и даже какого рода мучение терзает его совесть, и удивляя, смущал и почти пугал иногда пришедшего таким знанием тайны его, прежде чем тот молвил слово²¹.

Одним из главных поучений старца Зосимы являются мысли о «тоске по правде и милосердию»²². В этом смысле очень актуальным становится учение старца Зосимы «все за всех виноваты», в котором старец призывает людей к братскому единению через покаяние и преображение. «Чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую сторону», – говорил старец²³. Именно в результате такого духовного объединения по мысли Достоевского может наступить эпоха христианского «золотого века», когда каждый поступает с другим человеком так, как если бы хотел, чтобы с ним поступали люди [Мф.7:12].

И.И. Евлампиев считает, что в образе старца Зосимы Достоевский раскрывает тему подполья, преодолевая которое «личность может осознать все то

¹⁸ Ростислав Плетнев: «Сердцем мудрые» в: Ростислав Плетнев: *Вокруг Достоевского*. Москва 2007, Т. 1, с. 260.

¹⁹ Там же, с. 257.

²⁰ Федор Достоевский: : *ук. соч.*, с. 28.

²¹ Там же, с. 28.

²² Ростислав Плетнев: «Сердцем мудрые» в: Ростислав Плетнев: *Вокруг Достоевского*. Москва 2007, Т. 1, с. 262.

²³ Федор Достоевский: : *ук. соч.*, с. 275.

негативное, что таится в ней, побороть свое темное “я” и встать на путь реальной, земной святости»²⁴. Неслучайно Зосима становится не просто частью воспоминаний Алеши Карамазова, но и частью его личности, что стало мотивом болезненных переживаний Алеши после смерти старца. Смерть Зосимы не только символизирует жертвенное служение старца, но способствует «раскрытию всех противоречий и полярностей человеческой природы»²⁵. Так образ старца Зосимы вписывается не только в хронотоп мифа детства, идеала отца, матери и Дома, но и в контекст любви к прошлому как некоему идеальному времени по сравнению с настоящей реальностью.

Таким образом, феноменологический анализ образов Алексея Карамазова и старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы» выявляет соотношенность некоторых структурно-семантических компонентов «мифа детства» с феноменом русской святости, а также их соответствие мифологеме «золотого века», соотносящейся с Царством Небесным.

Литература

- Николай Бердяев *Откровение о человеке в творчестве Достоевского* в: Электронная библиотека религиозно-философской и художественной литературы «Вехи», http://www.vehi.net/berdyaev/otkrov.html#_ftn1.
- Нина Буданова, «Сердце милующее: Достоевский и Оптина Пустынь» в: Нина Буданова: «И свет во тьме светит...» (к характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского). Санкт-Петербург 2011.
- Аким Вольнский, *Достоевский: философско-религиозные очерки*. Санкт-Петербург 2011.
- Федор Достоевский, *Братья Карамазовы* в: Федор Достоевский, *Полн. собр. соч.* в 30 т. Т. 14. Ленинград 1976.
- Игорь Евлампиев, *Философия человека в творчестве Ф.М. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»)*. Санкт-Петербург 2012.
- Василий Зеньковский, *Федор Павлович Карамазов* в: *Вокруг Достоевского: В 2 т. Сборник статей под редакцией А.Л. Бема*. Т 1. Москва 2007.
- Юрий Лотман, *Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция* в: Юрий Лотман: *Избранные статьи в 3 т.*, Т. 3, Таллин 1993, с. 127-137.
- Ричард Пис, *Правосудие и наказание: «Братья Карамазовы»* в: Ричард Пис, *Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современ, состояние изучения под. ред. Татьяны Касаткиной*. Москва 2007.

²⁴ Игорь Евлампиев *Философия человека в творчестве Ф.М. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»)*. Санкт-Петербург 2012, с. 497.

²⁵ Николай Бердяев *Откровение о человеке в творчестве Достоевского* в: Электронная библиотека религиозно-философской и художественной литературы «Вехи», http://www.vehi.net/berdyaev/otkrov.html#_ftn1.

- Олег Платонов, *Святость* в: Олег Платонов, *Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русское Православие. В трех томах.* Т. 3. Р - Я. Москва 2009.
- Ростислав Плетнев, «Сердцем мудрые» в: Ростислав Плетнев, *Вокруг Достоевского.* Т. 1. Москва 2007.
- Симонетта Сальвестрони, *Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского.* Санкт-Петербург 2001.
- Константин Скурат, *Святость Руси.* Яхрома 2011.
- Николай Федоров, *Сочинения.* Москва 1982.

Abstract

The sense of sanctity as a Christian meaning of the “golden age” in Orthodox anthropology is revealed in the article. The story “The Dream of a Ridiculous Man” written by F. Dostoevsky is given as an example of such a medieval understanding of the “golden age”. The functioning of the sanctity in the F. Dostoevsky’s novel “The Brothers Karamazov” on the basis of such characters as a righteous man Father Zosima and Alexey Karamazov, one of the Karamazov brothers, who is under Father Zosima’s spiritual charge.

Aleksandr Vadimovich Babuk [Бабук Александр Вадимович] – magister nauk filologicznych, asystent [аспирант] w Katedrze Literatury Rosyjskiej i Obcej Państwowego Uniwersytetu Grodzieńskiego im. Janki Kupały [кафедра русской и зарубежной литературы Гродненского государственного университета им. Я. Купалы]. Wykładowca języka angielskiego w kolegium humanistycznym UO Uniwersytetu Grodzieńskiego [Гуманитарный колледж УО ГрГУ им. Я. Купалы].